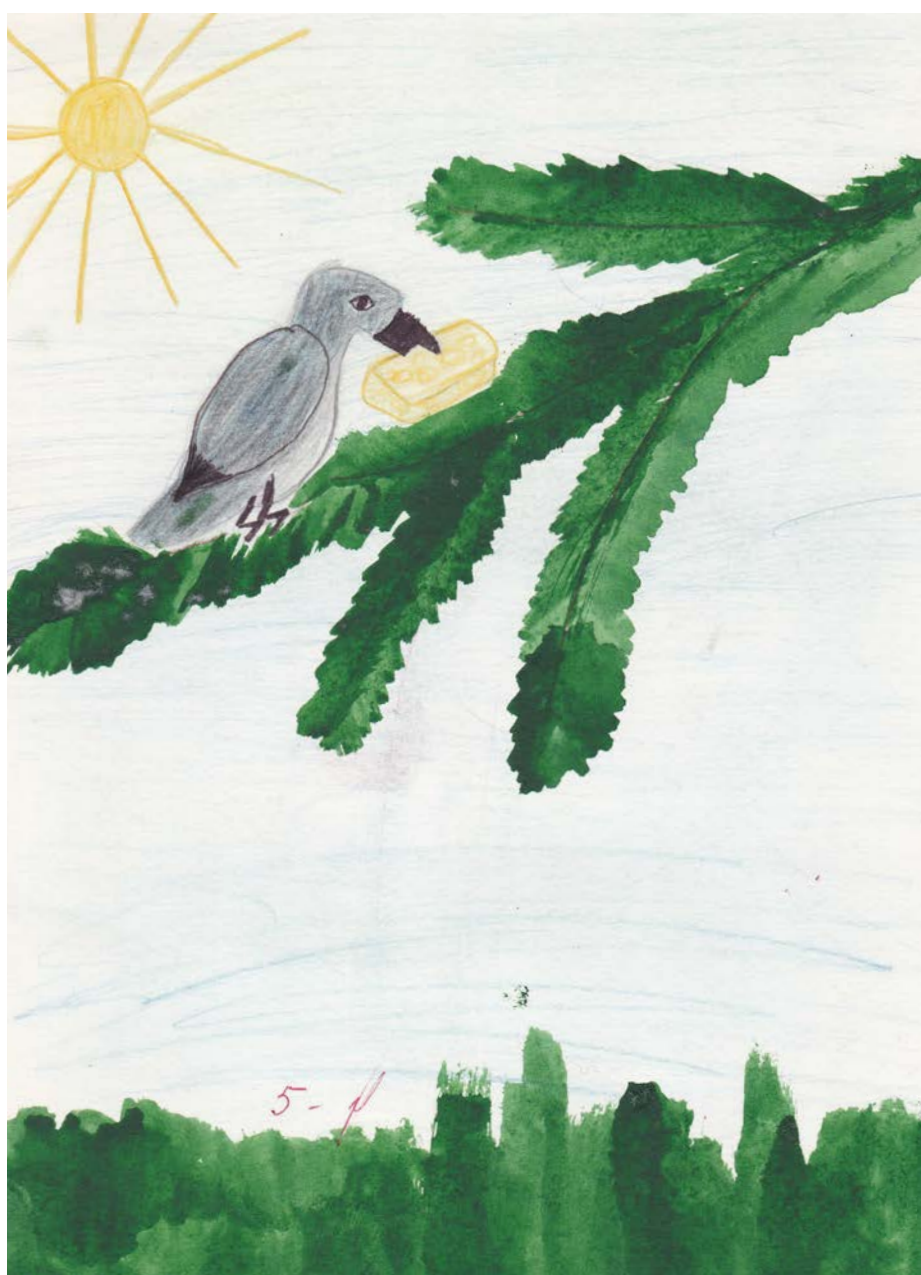

Уровни атаки на родительскую пару: социальный, семейный и интрапсихический

В статье рассматриваются три уровня «атаки» на родительскую пару: интрапсихический (в психике отдельного человека), микросоциальный (семейный), макросоциальный. Приводится современное психоаналитическое понимание инцеста и его основные характеристики. Рассмотрены психические функции табу на инцест. Приводится клинический пример процесса атаки на родительскую пару. Обсуждается идея всемогущества и ее представленность в разных сферах современной общественной жизни. Показаны взаимосвязь и взаимовлияние социальных изменений, трансформации интрапсихических структур, патоморфоз психопатологии с точки зрения клинического психоанализа.

Гридаева Галина Витальевна

- Врач-психотерапевт, психоаналитик
- Специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Член Правления ЕАРПП
- Заместитель председателя РО-Самара (ЕАРПП)
- Руководитель Центра Современного Психоанализа (Самара)
- Заместитель председателя Самарского Психоаналитического Общества

Рассмотрим феномен атаки на родительскую пару как процесс, происходящий на трёх уровнях: социальном, семейном и интрапсихическом. Выделение уровней позволяет наблюдать и описывать этот процесс с различных точек зрения.

Начнем с макросоциального уровня – процессов и изменений, происходящих в современном обществе.

Практически в любой сфере жизни современного социума представлена и ярко звучит идея всемогущества, omnipotency. Технический и научный прогресс сегодня делает невозможное возможным: мы имеем то, о чем наши предки могли только мечтать. Мы летаем на «коврах-самолетах», у нас есть «сапоги-скороходы» мощностью в сотни лошадиных сил, нам доступна «скатерть-самобранка» (доставка еды на дом) и «волшебная» кредитная карта, с помощью которой можно «наколдовать» почти все, что нам угодно.

Практически в любой сфере жизни современного социума представлена и ярко звучит идея всемогущества, omnipotенции.

Это здорово и очень облегчает жизнь, но все эти замечательные достижения очень плавно и незаметно встраиваются в наше внутреннее пространство. Мы привыкаем повелевать вещами, пространством и временем, забывая об ограниченности наших возможностей, и попадаем в соблазнительную иллюзию всемогущества. Происходит стирание границ – временных, пространственных, границ между нами и нашими вещами. Вещи становятся нашим нарциссическим расширением, и мы без машины, как без рук. Лучшее всего символизирует всемогущество мобильный телефон, который магическим образом отменяет пространство и время. С его помощью можно решать огромный спектр психических задач (оральных, анальных и фаллических), удовлетворять разные потребности прямо здесь и сейчас. Мобильник каждый день посылает нам послание – границ не существует. Но, как и в волшебных сказках, есть цена, которую нужно заплатить за владение этим волшебным предметом. Она огромна: мы перестаем думать, и делаем гораздо быстрее, чем успеваем осмыслить – что мы делаем и зачем. Пространства и времени для осмысления становится все меньше и меньше. Таким образом, мы из Человека Разумного Homo Sapiens очень незаметно становимся Человеком Всемогущим Homo Omnipotent. Парадоксальным образом всемогущество прогресса воспринимается нами не как чудо, а как нечто само собой разумеющееся, а естественные ограничения, наоборот, становятся чем-то невероятным и сверхъестественным. И когда мы вдруг наталкиваемся на какую-то границу, лимит, мы испытываем невероятную фрустрацию – «закончились деньги на телефоне», «выключился интернет».

Современная медицина – еще одна область, где ярко звучат идеи всемогущества и бессмертия. Болезнь и старение воспринимаются не как естественная часть жизни, а как то, чего быть не должно. Здоровье сегодня воспринимается как право или даже требование никогда не болеть и никогда не умирать. В глянцевых журналах можно прочитать статьи о том, что современная женщина может отменить менструацию с помощью гормональных препаратов. Сегодня можно по ОМС поменять тазобедренный сустав на титановый, поставить кардиостимулятор и регулировать биение сердца и т.д. Мы изобретаем технологии ЭКО и тем самым берем на себя функции Создателя. Создается иллюзия вечной прекрасной жизни, не омраченной менструацией, болезнями, старением и возможностью смерти. Я не хочу сказать, что не нужно лечить болезни, бороться за жизнь, что нужно запретить реанимацию и т.д. Я хочу сказать, что современные медицинские достижения, при их безусловной важности, вмешиваются в такие тонкие

Мы привыкаем повелевать
вещами, пространством
и временем, забывая
об ограниченности наших
возможностей, и попадаем
в соблазнительную иллюзию
всемогущества.

вопросы жизни и смерти, что создают иллюзию, что этими процессами можно управлять. Темп прогресса в области медицины намного опережает нашу способность осмыслить значение и психологические последствия сделанных открытий, которые реально меняют нашу жизнь.

Общество потребления – это общество дефицита, а не конфликта. Это мир, где расщепление и отрицание являются нормой. Мы смотрим телевизор, и видим рекламу – «будущее зависит от тебя», «управляй мечтой». И следом за этим рекламным роликом мы видим новостной сюжет о катастрофе или теракте, который несет прямо противоположное послание – никаким будущим мы вообще нисколько не управляем. Может ли психический аппарат воспринять два прямо противоположных послания, не опираясь на расщепление? Расщепление, как основной механизм защиты в современном мире, становится просто необходимым, на мой взгляд.

Ментальность всемогущества и отсутствия границ не позволяет нам построить идентичность, разобраться, что мое, что не мое. В результате, нарциссические механизмы каждого человека испытывают постоянную стимуляцию и давление со стороны общества, что у многих людей ведет к нарушению адекватного нарциссического баланса и запускает нарциссическую регрессию. При определенной предрасположенности

Лучше всего символизирует всемогущество мобильный телефон, который магическим образом отменяет пространство и время. С его помощью можно решать огромный спектр психических задач.

и слабости механизмов нарциссической регуляции у конкретного человека это может привести к декомпенсации и усугублению имеющейся нарциссической патологии.

Еще одна особенность современного общества – атака на коммуникацию. В прямом смысле слова – атака на живую коммуникацию, мы все меньше общаемся друг с другом непосредственно, лично. В более широком смысле – как атака на ментализацию, осмысление и символизацию опыта и полученной информации. Любовь не передается через гаджеты и смайлы, для этого нужны живые люди. Вместо осмысления все чаще мы наблюдаем отреагирование в действие, пространство между стимулом и реакцией становится все меньше. Как пример – рекламный лозунг: «Не думай, купи».

Мы можем наблюдать в современном обществе запрет на горевание и траур. Заметно изменилось отношение людей к смерти и, на мой взгляд, это также выглядит как расщепление. С одной стороны, есть смерть, которую мы постоянно видим на экране телевизора – в фильмах и новостях – и на которую мы учимся не реагировать, это «невзаправдошная» смерть. И она вовсе не страшная. С другой стороны, есть реальная смерть, которая отрицается до самого последнего момента. Процесс умирания происходит в изоляции, за закрытыми дверями, и нам практически нигде приобрести опыт восприятия смерти как естественного процесса. Мы не носим траур, у нас не принято говорить о том, что мы горюем о близких, сразу после похорон мы выходим

Мы из Человека Разумного
Homo Sapiens очень незаметно
становимся Человеком
Всемогущим Homo Omnipotent.

рой на примитивные защитные механизмы, где отношения с объектами строятся по нарциссическому типу, где вместо символизации – символическое уравнивание, где проективная идентификация постоянно используется для эвакуации непереваренных бета-элементов, а горевание невозможно – это мир параноидно-шизоидной позиции. И это мир, в котором родительская пара атакована и разрушена. В нем нет структурирующей, объединяющей и символизирующей функции пениса. Д. Брикстед-Брин в статье «Фаллос, пенис и психическое пространство» говорит о концепции «пенис-как-связь», которая репрезентирует психическую функцию связывания и структурирования. Пенис-как-связь – причастен к тройственному миру самости, находящейся в отношении с родителями как с разными, но связанными друг с другом существами. Здесь содержится знание о различии, и в то же время – признание незавершенности и потребности в объекте (пенису нужна вагина, вагине нужен пенис). В этом смысле «пенис-как-связь» – это инструмент Эроса, тогда как фаллос – инструмент Танатоса, поскольку он нацелен на разрушение этой связи. Фаллический мир бинарен, он различает лишь присутствие и отсутствие, в то время как структурирующая и связывающая функция пениса представляет собой более сложный мир. Это трехсторонний мир, где мать связана с отцом, но она от него отличается, где маскулинное и феминное охватываются, а не взаимно исключают друг друга. Это мир психической бисексуальности и мир, где есть место для родительской пары. Фаллос указывает на досимволический режим мышления, когда, например, женщина считает свое тело фаллосом (символическое уравнивание). В то время как пенис-как-связь принадлежит области истинной символизации и интернализуется как функция. Эта структурирующая функция создает необходимое пространство, где можно быть отдельным, и можно иметь связь (иначе мы имеем дилемму – поглощение/ покинутость). Нехватка интернализации пениса-как-связи и его структурирующей функции приводит к компульсивному поиску фаллоса в ошибочном убеждении, что он обеспечит внутреннюю структуру. Отсутствие этой структурирующей функции особенно очевидно у пациентов с пограничной патологией и перверсиями, где часто предпринимаются компульсивные попытки выстроить психическую организацию в фаллическом ключе [2, с. 375]. Признание ребенком взаимоотношений родителей объединяет его психический мир и создает треугольное пространство. Интернализация пениса-как-связи поддерживает внутреннюю триадную структуру и её символическую функцию. Папе нужна мама, а маме нужен папа. Я – ребенок, и я наблюдаю их отношения. Я нахожусь в позиции третьего. Я могу грустить и горевать о своей исключенности, и это означает, что мне доступна депрессивная позиция. Но если чувства слишком сильны и депрессивная позиция невыносима,

на работу – т.е. мы видим отказ от ритуала траура, горящий человек не принимается социумом. Как и где психике делать работу горя? Разве только в кабинете у психоаналитика...

Вы спросите – какое это имеет отношение к атаке на родительскую пару? Самое прямое. Мир всемогущества, с опорой

то я буду постоянно атаковать родительскую пару, превращать триаду в диаду, и выход из параноидно-шизоидной позиции весьма затруднен. Психика такого человека содержит внутренний объект, противостоящий всем связям и их разрушающий, о чем писал Блон в работе «Нападения на связь»: «Эти нападения на связующую функцию эмоции приводят к выходу на передний план в психотической части личности связей, которые кажутся логическими, почти математическими, но напроць лишены эмоционального обоснования. В результате уцелевшими оказываются перверсивные, жестокие и бесплодные связи» [1, с. 166].

Темп прогресса в области
медицины намного опережает
нашу способность осмысливать
значение и психологические
последствия сделанных открытий,
которые реально меняют нашу
жизнь.

Таким образом, можно сделать вывод, что современное общество является токсичным: мы все испытываем постоянное давление – атаку на нашу внутреннюю родительскую пару, на нашу способность мыслить, символизировать, объединять и иметь внутреннее треугольное пространство. Но мы – взрослые, наша психика сформирована и хочется надеяться, что все эти замечательные опции установлены и имеются в нашей базовой комплектации, либо приобретаются в процессе личного анализа. А дети? Большой

социум сегодня не предоставляет детям возможность интроецировать, усвоить объединяющую функцию «пенис-как-связь».

Обратимся к уровню микросоциума, подумаем о том, какие возможности предоставляет ребенку семья? Современная семья эволюционирует от традиционной патриархальной семьи к нуклеарной семье, которую характеризует малочисленность, малодетность, нестабильность и отсутствие четкого гендерного разделения ролей. Каждый член нуклеарной семьи становится фактически незаменимым, т.к. его замена равноценна уничтожению семьи. В результате существенно повышается степень зависимости членов семьи друг от друга и степень взаимного нарциссического использования. Отсутствие четкого полового разграничения ролей в современной семье, с одной стороны, позволяет ей выжить, с другой стороны, приводит к стиранию полоролевых различий. В результате ребенку, растущему в нуклеарной семье, все труднее сформировать четкую полоролевою идентичность. В связи с этим в своих психотерапевтических кабинетах мы можем наблюдать тенденцию (и в обществе в целом) возрастания числа людей с нарушениями полоролевой идентичности.

Зачастую современные семьи состоят из матери, ребенка и отца, который все время на работе. Ребенку (до выхода в большой социум – в школу) приходится

Расщепление, как основной механизм защиты в современном мире,
становится просто необходимым.

Нарциссические механизмы каждого человека испытывают постоянную стимуляцию и давление со стороны общества, что у многих людей ведет к нарушению адекватного нарциссического баланса и запускает нарциссическую регрессию.

идентифицироваться только с матерью, так как больше не с кем. Объектный мир ребенка не обогащен игрой идентификаций, крайне ограничен и зачастую дефицитарен, так как нет третьего объекта (отца), на который ребенок смог бы опереться, чтобы отделиться от матери. В результате ребенку в современной семье гораздо сложнее сформировать триадные объектные отношения, и мы все чаще встречаем в своих кабинетах пациентов с диадными объектными отношениями, с большей степенью зависимости, с пограничной и психотической организацией психики.

Дефицит отцовской фигуры в современной семье потенциально влечет за собой риск формирования инцестуозных отношений матери с ребенком. Тогда имеет место ситуация «инцестуозной мешанины», спутанности границ, что неизбежно приводит к развитию у ребенка психопатологии. В современном психоанализе под инцестом понимают уже не собственно сексуальные отношения между родственниками (как таковых их может не быть, но при этом психологическая атмосфера семьи будет насквозь инцестуозной). Основным признаком инцеста – это исключение позиции третьего, что неизбежно вызывает сведение тройственности к двойственности, т.е. отношения, в которых должно быть трое, сокращаются до отношений двоих. Проблема возникает только в семье, т.е. там, где есть родство: дуальные отношения вполне правомочны и естественны между влюбленными, друзьями. Но любая связь, возникшая в лоне семьи, т.е. между различными поколениями, должна проявиться в форме троицы: по типу отец – мать – ребенок, чтобы избежать провокации инцестуозной ситуации со всеми ее ужасными последствиями – невыносимым соперничеством и невозможностью самоидентификации [4]. Пара «муж – жена» крайне важна для развития ребенка как отдельного субъекта. Если мать поддерживает и развивает отношения с мужем, которые ее удовлетворяют – табу на инцест у ребенка будет постепенно сформировано «само собой».

Психические функции табу на инцест:

- 1) табу на инцест как торжество принципа реальности;
- 2) табу на инцест как условие для формирования границ между поколениями, полами, ролями и между людьми;
- 3) табу на инцест как разграничение фантазии и реальности;
- 4) табу на инцест как условие формирования ощущения себя как отдельного человека.

Если же у матери нет удовлетворяющих отношений с отцом ребенка

Особенность современного общества – атака на коммуникацию.

или они чрезмерно конфликтны, то мать рискует бессознательно использовать ребенка как сексуальный и нарциссический объект для самой себя. Он становится «ребенком ночи» (Брауншвейг, Фэн). Чтобы ребенок развивался, мать должна следовать за его потребностями, а не ребёнок должен удовлетворять ее сексуальные и нарциссические потребности. Для этого она должна любить и быть любима отцом ребенка. Присутствие Третьего как раз дает возможность ей быть матерью для своего ребенка, а не кем-то иным – любовницей, соблазняющим или использующим объектом. Такая мать инвестирует малыша как «ребенка дня». Фэн рассматривает чередование ритма дня и ночи как ритм присутствия и отсутствия матери для ребенка. Днем – с ним, ночью – с отцом ребенка. Повторение этого ритма приводит к образованию эдиповой структуры. «Цензура любовницы» – дезинвестирование матерью своего ребенка – она укладывает его спать и снова становится сексуальной женщиной для своего мужа, тем самым поддерживая развитие у ребенка воображаемой реконструкции родительской эротической пары (фантазм первосцены должен оставаться фантазмом, т.е. действия происходят в отсутствие субъекта). «Цензура любовницы» позволяет открыть аутоэротизм и фантазматическую жизнь. Для матери, инвестирующей либидо в «ребенка ночи», сын или дочь становятся бессознательной заменой мужчины-отца как объекта сексуального желания, мать относится к ребенку как к сексуальному дополнению или как к нарциссическому продолжению собственного Я. При этом отношения муж-жена занимают второе место для женщины после отношений мать-ребенок. Это становится возможным при слишком уступчивом или отсутствующем отце, собственные конфликты которого провоцируют развитие подобной инцестуозной ситуации и подталкивают его к самоисключению из потенциально трехсторонних отношений. Взрослеющий «ребенок ночи» рискует сохранить неосознанное убеждение, что он, действительно, сексуальное или нарциссическое продолжение матери, и, в конечном счете, не существует как отдельный человек [3]. Таким образом, в современной нуклеарной семье очень высок риск исключения третьего, формирование инцестуозных отношений и как следствие – тяжелой психопатологии у ребенка. К сожалению, родительской паре в современной семье очень сложно оставаться стабильной.

Если мы посмотрим на феномен атаки на родительскую пару с интрапсихического локуса, то мы увидим, что любой ребенок будет неизбежно атаковать родительскую пару и пытаться ее разрушить. Очень важно, чтобы пара выжила, причем в двух измерениях: как пара мужчина-женщина, и как родительская пара в отношении ребенка.

Приведу клинический пример:

Пациент – мужчина, старший из нескольких сиблингов, вырос как дядя Федор из Простоквашино – «сам по себе мальчик, свой собственный». Родители были озабочены друг другом, а также тем, чтобы прокормить свою семью, делами своих детей не особенно интересовались. Мальчику было обидно, что его не ругают за двойки, как его школьных

Вместо осмысления все чаще мы наблюдаем отреагирование в действие, пространство между стимулом и реакцией становится все меньше.

Мы все испытываем постоянное давление – атаку на нашу внутреннюю родительскую пару, на нашу способность мыслить, символизировать, объединять и иметь внутреннее триангулярное пространство.

друзей, не записывают в музыкальную школу, несмотря на его просьбы и незаурядные музыкальные способности. В 10 лет он решил начать свой первый бизнес, родители выступили в роли инвесторов. Бизнес оказался очень успешным и мальчик в течение нескольких лет в буквальном смысле кормил всю семью. Этот опыт убедил его в том, что он намного умнее своих родителей, по его словам, «в 10 лет я их уже перерос», и не он нуждается в них, а они в нем. Когда он вырос, то стал бизнесменом, и его жизненная история – это история успеха. Он инициировал развод своих родителей, потому что, по его словам, «так, как они, жить нельзя». В терапию его привело следующее – он был страстно влюблен в женщину, у которой был другой мужчина. Признать этот факт ему было совершенно невыносимо; два года он прожил в убеждении, что сошел с ума и у него бред ревности. «Доктор, – говорил он, – у меня паранойя и галлюцинации. Я вижу то, чего на самом деле нет». Однако его проблема заключалась в обратном – он не видел того, что было очевидным. Будучи ребенком, он «уничтожил» родителей и как значимые для себя объекты, и как пару со своей историей любви, а позже в прямом смысле разрушил их брак. Реальность много лет подтверждала его грандиозные фантазии. Затем произошло обрушение. Терапевтическая задача – это реконструкция родительской пары и реанимация внутреннего ребенка, с постепенным отказом от всемогущества и принятием реальности.

Итак, мы рассмотрели феномен атаки на родительскую пару на макросоциальном уровне, на уровне семейной системы и на уровне интрапсихических процессов.

ВЫВОДЫ:

1. В определенном возрасте ребенок будет атаковать родительскую пару и пытаться ее разрушить, одновременно нуждаясь в том, чтобы эта пара пережила атаку и сохранилась. Изменения в современном обществе и трансформация института семьи потенцируют нестабильность родительской пары, т.к. она атакуется со всех сторон одновременно – и изнутри, и снаружи.
2. Люди с разрушенной родительской парой в своей голове и с преобладанием параноидно-шизоидной позиции формируют общество потребления, а общество потребления, в свою очередь, формирует таких людей. Таким образом, замыкается порочный круг.
3. С позиции структурной теории наблюдается трансформация психической структуры: исчезновение зрелого Эго-идеала, сложности формирования идентичности, опора на примитивные защиты, пограничный и психотический уровень функционирования; это мы сейчас наблюдаем у большего количества наших пациентов. Возможно, такая трансформация психической структуры не является случайной, это – закономерное следствие приспособления к окружающей реальности.

4. Увеличение числа людей с тяжелой личностной патологией в обществе неизбежно приводит к увеличению числа людей, обращающихся за психотерапевтической помощью. В кабинете у психоаналитика можно восстановить разрушенную родительскую пару и оплакать случившуюся когда-то катастрофу.
5. Важна психогигиена и психопрофилактика. Я считаю, что мы, как специалисты, можем вносить свой вклад в осмысление происходящих в обществе процессов. Это то, о чем нужно разговаривать с людьми.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бион У.Р. Нападения на связь // Идеи У. Р. Биона в современной психоаналитической практике. Сборник научных трудов. Материалы Международной психоаналитической конференции. 13-14 декабря 2008 г. Москва / Под ред. А.В. Литвинова, А.Н. Харитонова. – М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2008. – С. 149-168.
2. Брикстед-Брин Д. Фаллос, пенис и психическое пространство // Психоаналитические концепции психосексуальности / Под ред. А.В. Литвинова, А.Н. Харитонова. – М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2010. – 528 с.
3. Жибо А., Россохин А.В. Психоанализ во Франции, или как научиться жить с неопределенностью // Французская психоаналитическая школа. – СПб: Питер, 2005. Стр. 13-42.
4. Эльячефф, К., Эйниш, Н. Дочки-матери. Третий лишний? / Эльячефф Каролин, Эйниш Натали. – М.: «Институт общегуманитарных исследований», 2011. – 448 с.